

Светлана Мулина (Омск)

Сибирский город Омск в памяти польских ссыльных¹

Воспоминания польских ссыльных являются важнейшим источником формирования в польском обществе сибирского мифа и связанных с ним культурных стереотипов. При этом логика создания и прочтения ссыльной литературы до конца не изучена. Исследователи отмечают, что воспоминания, с одной стороны, формировали образ Сибири у соотечественников, а с другой стороны, сами являлись итогом функционировавших в польском обществе стереотипов. Поэтому окружающая реальность, представленная в воспоминаниях, не является объективным описанием, поскольку пропущена через фильтр авторской осведомленности².

Цель настоящей статьи – реконструкция образа города Омска на основе воспоминаний польских ссыльных. Выбор города обусловлен не только желанием автора внести лепту в изучение малой родины, но и тем, что Омск являлся одним из центров польской политической ссылки XIX в., и именно с Омском связана одна из наиболее трагических страниц польской мартирологии – «омское дело» 1832–1833 гг. Реконструкция образа Омска в представлениях польских ссыльных позволит конкретизировать польский образ сибирского пространства и определить вектор влияния сибирского опыта поляков на представления о регионе.

¹ Badanie zostało przeprowadzone w ramach projektu Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki: «Polscy zesłańcy na Syberii Zachodniej w drugiej połowie XVIII wieku – XIX wieku w oczach Rosjan i ludności syberyjskiej» (nr projektu 0098/NPRH3/H12/82/2014).

² М. Сибулский, *Rosja i Rosjanie w pamiętnikach Polaków (1863–1918)*, Warszawa 2009, с. 118.

Одно из наиболее ранних польских свидетельств об Омске содержится в мемуарах Кароля Любича Хоецкого. В 1768 г. он участвовал в борьбе конфедератов, попал в плен и был сослан в Западную Сибирь на службу в российскую армию. Хоецкий был причислен к стоявшему в Омске Ревельскому драгунскому полку. Омск предстал ссыльному в виде пограничной крепости из земляных достаточно прочных валов, в которой находились казармы, а за крепостью городок из деревянных зданий, в которых проживали одни казаки. Они имели жен, свои собственные дома, но были обязаны следить за границей и отбывать всякую воинскую повинность³. Из городского пейзажа автор упоминает только мост через р. Омь, «достаточно хорошей формы» и церковь, куда ссыльных конфедератов водили принимать присягу, а из местного населения – командующего сибирским корпусом генерал-майора Станиславского, имевшего польское происхождение и относившегося к ссыльным с уважением и любезностью.

В XIX в. Омск становится центром польской ссылки. Примерно 900 польских военнопленных – участников наполеоновских походов было зачислено на службу в омские батальоны. Краткость ссылки, преобладание в среде пленных лиц низших сословий привели к тому, что ссылка этого периода слабо отражена в польских мемуарах. Нам известны лишь одни воспоминания, автор которых бывший унтер-офицер 7 пехотного полка Княжества Варшавского Мельхиор Витковский несколько месяцев прослужил в омской крепости. В своих воспоминаниях Витковский описал расположение крепости, места дислокации военных команд и несколько историй из своей службы, подчеркивающих тяжесть военных будней, несправедливость офицерства, дедовщину. Из командного состава внимание автора привлек только командир 29 дивизии генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап, прежде всего тем, что не позволял русским офицерам без его ведома наказывать поляков⁴.

Позднее Омск наводнили ссыльные участники различных конспиративных организаций и повстанцы 1830–1831 гг. В воспоминаниях они описывают условия ссылки, свои переживания, происходящие с ними события. При этом городское пространство часто оказывается сужено до границ омской крепости, как, например, в воспоминаниях Франчишека Кноля о событиях

³ K. Lubicz Chojecki, *Pamięć dzieł polskich. Podróż i niepomysłny sukces Polaków*, на основании первой печати от 1789 г. выпуск. A. Kuczyński, Z. Wójcik, Bagno–Warszawa–Wrocław 1997, s. 75.

⁴ M. Witkowski, *Pamiętnik prostego żołnierza z lat 1812–1816*, в: *Pamiętniki z lat 1792–1849*, сост. R. Grabałowski, Wrocław 1961, с. 61.

омского заговора 1833 г. и мученической смерти его участников⁵. Образ омской крепости, знакомый нам по «Запискам из мертвого дома» Ф.М. Достоевского, дополняет Шимон Токаржевский:

Территория крепости, – пишет ссыльный, – являла собой огромную площадь, напоминающую фантастическую геометрическую фигуру, похожую на шестиугольник. Не было здесь обычных стен, как в европейских крепостях. Вместо стены – частокол из толстых высоких брёвен, тесно сомкнутых друг с другом, остроконечных вверху, глубоко вбитых в землю. Вокруг частокола – вал, на котором днем и ночью несли вахту солдаты крепостной команды. У ворот, еще более укрепленных частоколом, стояла стража⁶.

Токаржевский подробно описывает внутренний распорядок жизни заключенных, обстановку в казарме, взаимоотношения между заключенными, но составить представление о городе на основе текстов Токаржевского достаточно трудно. Ссыльного интересует не город, а его жители. Горожане, попавшие на страницы воспоминаний, отчетливо делятся на тех, кто сочувствовал полякам, пытался облегчить их положение, и на польских недоброжелателей. Среди последних самым ненавистным был плац-майор Василий Григорьевич Кривцов.

Не очень приятным оказывается образ генерал-губернатора Западной Сибири Петра Дмитриевича Горчакова. Он предстает как «аристократ, старый распутник», открыто сожительствующий с женой директора кадетского корпуса генерала Фёдора Андреевича Шрамма. «Шраммиха», пишет Токаржевский, «единолично и всевластно управляла Сибирью, всем было известно, если нужно было добиться чего-нибудь, следует сперва поклониться пани генеральше и любыми способами заслужить её расположения»⁷. Однако другие поляки оставили достаточно позитивные воспоминания о Горчакове, подчеркивая его человеческое отношение к ссыльным. Полным доверием Горчакова пользовался ссыльный Янишевский. Он служил в омском батальоне, а позднее был определен в денщики к Горчакову. Генерал-губернатор «так его полюбил, так к нему привязался, оценил его добросовестность и способ-

⁵ F. Knoll, *Spisek omski. Męczeństwo księdza Sierocińskiego i współtowarzyszy*, в: *Zestanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914*, ред. А. Brus, Е. Kaczyńska, W. Śliwowska, Warszawa 1992, с. 240–245.

⁶ Ш. Токаржевский, *Семь лет каторги*, Варшава 1907, в: Ш. Токаржевский (Токаржевский), *Сибирское лихолетье*, пер. с польск. М. Кушниковой, сост. и пред. М. Кушникова, В. Тогурев, Кемерово 2007, с. 178.

⁷ Там же, с. 174.

ности, что отдал ему управление в доме, кассу; все, что он имел, было в руках Янишевского». Через Янишевского многое можно было выхлопотать у Горчакова, и этим пользовались не только поляки, но и местные жители⁸.

В целом, отношение жителей города к полякам Токаржевский оценивает как положительное. «Быть поляком в Сибири, – пишет он, – значило вызывать доверие и уважение». Когда Токаржевского с товарищем приглашали для росписи комнат в дома богатых купцов, последние, кроме положенной оплаты, гостеприимно их угощали. «Сажали нас за общий стол в семейном кругу хозяев, – вспоминал автор, – обходились с нами, как со свободными жителями города и как с приятными гостями». Среди покровителей Токаржевского был комендант крепости полковник Алексей Федорович де Граве, ссыльный называет его «славным человеком». Жена полковника Анна «охотно помогала каждому, кто нуждался в её поддержке», открыла «Дом опеки» для обездоленных девочек, где сама же преподавала⁹. Михаил Михайлович Попов – «известный во всем Омске богач», владелец рынка всяких товаров тоже помогал и искренне переживал за судьбу ссыльного¹⁰. Описание теплых дружеских контактов Токаржевский сопровождает снисходительными замечаниями в духе представлений о цивилизаторской миссии поляков на Востоке:

Конечно, сперва трудно было приноровиться к этим подозрительным и хитрющим торговцам-миллионерам; конечно, их жёны, дочери и сёстры казались нам смешными с их претензиями на красоту и изысканность, с их кокетливыми ужимками; но в обиходе с нами они были искренне добры и радушны – это, бесспорно. [...] Мы не были людьми высокообразованными, но среди жителей Омска, таких отдаленных от отблесков цивилизации, мы слыли мудрецами¹¹.

Иного рода образ города представлен в письмах участника польского восстания 1830–1831 гг. Адольфа Янушкевича, прожившего в западно-сибирской ссылке 24 года. Омск оказал на него «огромное впечатление»: правительственное здание, «великолепное казачье училище», строящаяся огромная суконная фабрика, несколько церквей, кирха, мечеть и крепость с множеством солидных стен, площадью как в столице, ежедневным грохотом от стрельбы ядрами через Иртыш и тренировочной пальбой артилле-

⁸ Z. Librowicz, *Polacy w Syberii*, сост. А. Kuczyński, Z. Wójcik, Wrocław 1993, с. 132.

⁹ Ш. Токаржевский, *Семь лет каторги*, с. 174–175.

¹⁰ Там же, с. 202, 224, 226.

¹¹ Там же, с. 203.

рийской батарее. Уже тогда, в 1841 г. Янушкевич предполагал, что когда-нибудь Омск «станет огромным городом»¹². До переезда в Омск Янушкевич проживал некоторое время в Ишиме, и теперь имел возможность сравнить два сибирских города, даже с точки зрения природных условий. Омский климат «нисколько не лучше ишимского, – отмечал ссыльный, – те же самые и той же самой пробы пурги, бураны, морозы и жаркие дни – как там, так и тут»¹³. И все же Янушкевичу Омск понравился больше. Почти в каждом письме к матери он оправдывает свой переезд, рассказывая о тех или иных плюсах омской жизни, прежде всего, связанных с его столичным статусом. Например, о том, что в Омске имеется несколько порядочных магазинов, и всё можно достать, или же о том, что в Омске практикуют 15 лекарей, некоторые из которых известны образованием и талантами¹⁴. Одно не устраивает Янушкевича: дороговизна продуктов. По сравнению с Ишимом цены в Омске на разные товары оказались выше в два, а то и в три раза.

Важное достоинство Омска, с точки зрения Янушкевича, это наличие большой польской диаспоры. «Ни в одном месте нет столько католиков, сколько здесь», – восклицал ссыльный. Омская католическая община напоминала ему польские костелы, поскольку присутствовали в достаточном количестве дамы высшего общества. «Имеем здесь одну генеральшу, четыре полковничьих жены, которые все католического исповедания и родом из наших сторон либо из Королевства Польского. В том числе три из самого Подолья»¹⁵.

Еще одна черта Омска привлекла Янушкевича: пограничное положение города со степью. Проявления азиатской жизни неизменно привлекали внимание автора: баржи с арбузами, приходящие из Семипалатинска, китайские яблоки и груши, кокандский посол, развлекающийся в городе по дороге в Петербург¹⁶. Работа в канцелярии пограничного управления сибирских киргизов позволила ссыльному лучше узнать степные народы, их обычаи и правовое положение в империи. Янушкевич был очень доволен своей службой, с уважением писал о своем начальнике полковнике Вишневском, гордился своей причастностью к покорению степных пространств. «Я законодатель киргизов!» – восклицал он¹⁷. Несмотря на

¹² А. Januszkiewicz, *Listy z Syberii*, сост. H. Geber, пред. J. Odrowąż-Pieniążek, Warszawa 2003, с. 182.

¹³ Там же, с. 187.

¹⁴ Там же, с. 182, 202.

¹⁵ Там же, с. 201.

¹⁶ Там же, с. 182, 186, 219.

¹⁷ Там же, с. 219.

то, что отношения ссыльного с горожанами складывались удачно, каждое воскресенье он бывал «в нескольких либо нескольких десятках домах – с поздравлениями, на чае, обедах»¹⁸, Янушкевича гораздо больше интересовали не жители Омска, а степные народы. И образ города в конечном итоге теряется в обилии восточных впечатлений.

Нельзя не отметить омские рисунки Циприана Дунин-Вонсовича, сосланного за участие в польской тайной организации 1848 г.¹⁹ Главным образом, это портреты его соотечественников – товарищей по конспиративной деятельности, а также тех, с кем он встречался в Варшавской цитадели и омской ссылке. Наличие в альбоме Дунин-Вонсовича портретов поляков, добровольно находившихся в Омске, среди которых был учитель всемирной истории Ипполит Гонсевский, служивший в Сибирском кадетском корпусе, а также военный врач Мачей Ловицкий, позволили предположить, что все поляки, и ссыльные, и добровольно прибывшие были знакомы друг с другом²⁰.

Только на двух рисунках, вошедших в альбом Дунин-Вонсовича, отразилось городское пространство, сконцентрированное в чрезвычайно важных для поляков «местах памяти». Это рисунок могилы ксендза Яна Генриха Се-роцинского, сосланного за участие в восстании 1830–1831 гг. и умершего во время экзекуции в Омской крепости в марте 1833 г., и эскиз могилы самого Циприана Дунин-Вонсовича, скончавшегося незадолго до возвращения на родину 17 ноября 1857 г. Автор второго рисунка не известен, но, судя по всему, этот рисунок представляет собой самое раннее из известных краеведам изображений католического участка омского казачьего кладбища.

Среди ссыльных участников Январского восстания наиболее подробные омские воспоминания оставил дворянин Гродненской губернии Ежи Красковский. Если Токаржевский описывает быт и занятия омского каторжника, то Красковский представил подробную картину своей службы в сибирском линейном батальоне. Общий распорядок службы выглядел так: два раза в день муштра (когда не было иных занятий), охрана госпиталя, каких-нибудь складов, арестантов в городском остроге, в праздничные дни – парады²¹.

¹⁸ Там же, с. 195.

¹⁹ *Sztambuch Cypriana Dunin-Wąsowicza*, сост. W. Śliwowska, Warszawa 2015.

²⁰ В. Сливовска, *Сибирские загадки. Найденный оригинал альбома Циприана Дунин-Вонсовича 1850–1857 годы*, в: *Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири*, Сб. науч. тр., Омск 2015, с. 71.

²¹ J. Kraskowski, *Z niedawnej przeszłości. Urywki z pamiętnika*, „Przegląd Powszechny” 1894, т. 41, с. 347.

Эти обязанности не были слишком тяжелы, но отсутствие нормальных условий жизни, недостаток свежего воздуха в казармах и здоровой пищи постоянно порождали болезни. С течением времени условия службы Красковского улучшаются, он был переведен в инвалидную команду, затем стал писарем в канцелярии коменданта омской крепости. Но окончательно материальные беды ссыльного закончились, когда он перешел «на жительство» и устроился работать в контрольную избу с окладом 15 рублей в месяц. Карьерного роста и улучшения финансового положения Красковский смог достичь за счет покровительства некоторых местных чиновников, прежде всего, старшего чиновника особых поручений Аркадия Павловича Крупеникова, имевшего «огромное влияние» как человека безупречной репутации, сметливого, умного и очень обходительного в общении²².

Информация об Омске встречается также в воспоминаниях поляков, сосланных в Восточную Сибирь. Поскольку мемуары часто писались в виде путевых заметок, ссыльные неизбежно по пути к месту назначения оставляли описание своего пребывания в Западной Сибири, пересекая один за другим этапы ссыльного тракта. Больше впечатлений оставляли те населенные пункты, где ссыльные задерживались на более длительный срок. Как правило, это происходило в городах, где были расположены экспедиции о ссыльных: Тобольске и Томске. Омск же часто оставался без внимания. Руфин Пётровский не смог составить впечатление о городе, так как увидел только кусочек Омска²³. Людвиг Желёнка вспомнил про Омск только при описании своей обратной дороги из Сибири. И то, только потому, что здесь первый раз за прошедшие шесть лет он присутствовал на святой молитве. Его омские впечатления ограничиваются несколькими фразами, посвященными маленькому, но аккуратно содержащемуся омскому костелу, ксендзу и внутренним переживаниям самого автора²⁴. Винценты Мигурский по дороге в Нерчинск задержался в Омске примерно на месяц, дожидаясь приезда своей супруги Альбины. Доктор военного лазарета Юлиан Штубендорф поселил Мигурского у себя в доме и три–четыре дня возил ссыльного по городу для знакомства с разными особами. За это время Мигурский имел возможность познакомиться с городским пространством, но все мысли автора занимали отношения с супругой, ожидание её приезда и долгождан-

²² Там же, s. 109.

²³ R. Piotrowski, *Pamiętniki z pobytu na Syberji Rufina Piotrowskiego*, т. 2, Poznań 1861, с. 186.

²⁴ L. Jastrzębiec Zielonka, *Wspomnienia z Syberji od roku 1863–1869*, Kraków 1906, с. 262.

ная встреча. Перед ними меркли впечатления от города, новых знакомств и встреч с соотечественниками²⁵.

По мнению польского исследователя Збигнева Вуйчика,

Омск ничем не мог заинтересовать мигрантов из Литвы и Королевства. Широкая долина Иртыша не разнообразила ландшафт огромной низины. Да и сам город был чрезвычайно непривлекательным. Большие казармы Пятого западносибирского линейного батальона, небольшая церковь, несколько десятков каменных домов и многочисленные деревянные постройки, типичные и для других городов Сибири²⁶.

Ссылные европейцы свысока оценивали города Сибири, не находя в них ни архитектурных шедевров, ни европейской культуры, ни достижений цивилизации. Как писал ссыльный участник Январского восстания Фердинанд Чаплицкий:

Иркутск и Томск имеют вид более европейских городов, дома чаще каменные, красивые, величественные, и здесь и там можно встретиться даже с великолепным дворцом, построенным искусно и в готическом или итальянском стиле. В целом, однако, сибирские города, и даже губернские, как например, Тобольск и Красноярск, достаточно плохи, и их нельзя даже сравнивать с такими городами, как Люблин, Тарнув либо Пшемысль²⁷.

Кроме роскошных церквей византийского стиля и всего лишь нескольких каменных зданий, все остальные дома деревянные, временами только одноэтажные. Вместо каменных мостовых – довольно узкие деревянные тротуары, построенные на четверть локтя над уровнем улицы²⁸. Редкостью являются сады или даже отдельно стоящие деревья, поэтому, заключает Чаплицкий, «сибирские города и села лишены того очарования, какое чувствуется в каждом европейском городе»²⁹. Всё, что смог написать об Омске сосланный за участие в Январском восстании ксендз Ян Хыличковский, уместилось в нескольких строчках:

²⁵ W. Migurski, *I ostaną się w legendzie, w: Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zestawienie, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków. Rys historyczny. Antologia*, red. A. Kuczyński, Krzeszowice 2007, с. 172–174.

²⁶ Z. Wójcik, *Jan Czernski – polski badacz Syberii*, Lublin 1986, с. 36.

²⁷ W. Czapllicki, *Obraz Syberii przez F.M. Władysława Czapllickiego autora „Czarnej Księgi”*, Kraków 1871, с. 87.

²⁸ Там же, с. 89.

²⁹ Там же, с. 88.

Омск расположен в степи по обе стороны реки Оми. Резиденция генерал-губернатора Западной Сибири, имеется: военная гимназия, кабинет естественной истории и отдел российского географического общества. Жителей более 30 000³⁰.

И все же Омск смог тронуть польскую душу. Ян Черский, прослуживший несколько лет в омских батальонах, был «очень доволен», тем, что остался «на жительство» в Омске. «Позднее он привязался к этому городу и искренне его любил»³¹. Мигурский покидал Омск с чувством благодарности и милыми воспоминаниями о его жителях³². Омск привлекал ссыльных наличием костела, возможностью отыскать работу и более интенсивной светской жизнью. Но культурный облик города вызывал у ссыльных только иронию. «И где же там тратить деньги, если не пьешь и не играешь в карты?» – жаловался Ежи Красковский.

Театра нет, постоянных концертов там тоже никто не видел. [...] Никаких уличных развлечений, хотя закусовых в городе несколько; кондитерская только одна, основанная одним из наших ссыльных, но без сладостей, так как они производились только на заказ; кафе также ни одного; итак, пожалуй, только в ресторане во время обеда можно сыграть партию на бильярде – вот и все расходы³³.

Распорядок жизни ссыльного в Омске выглядел довольно уныло: работа, недорогая загородная прогулка, а вечерами – чай с приятелями³⁴.

Однако в сравнении с деревенской жизнью город непременно выигрывал.

При всех не способствующих здоровью условиях, – писал ссыльный Корнелий Желёнка, – более сносной является жизнь в городе, где легче морально и интеллектуально перевести дух, нежели в деревне, в здешнем крае, где все оборачивается убийством моральности и умственным отупением³⁵.

Несмотря на запреты администрации, в город постоянно стекались поляки, водворенные в округе. Поэтому, даже после амнистии польская диаспора в Омске остается достаточно крупной.

³⁰ J. Chyliczkowski, *Syberya pod względem etnograficznym, administracyjnym, rolniczym i przemysłowo-handlowym*, Włocławek 1898, с. 9.

³¹ Jan Czernski – polski badacz Syberii, с. 36.

³² W. Migurski, *I ostaną się w legendzie*, с. 174.

³³ J. Kraskowski, *Z niedawnej przeszłości. Urywki z pamiętnika*, „Przegląd Powszechny” 1894, t. 42, с. 73.

³⁴ Там же, с. 74.

³⁵ Ф. Новинский, *Поляки в общественной и хозяйственной жизни Иркутска в 60–70-х гг. XIX в.*, в: *Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы*, Иркутск 2001, с. 41.

Таким образом, Омск не стал у поляков олицетворением «мертвого дома», каторги и мучений. Эти категории надежно сливались с понятием Сибирь, но были мало подвержены географической конкретизации. Образ города формировался под воздействием личного опыта ссыльного, прежде всего, личных контактов с его жителями и представителями административной верхушки, в то время как архитектурно-ландшафтные детали отходили на второй план. Вряд ли существовал в среде поляков определенный цельный образ города. Более того, несмотря на регулярное упоминание Омска в воспоминаниях ссыльных, в Польше об Омске, скорее всего, почти ничего не знали.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Chyliczkowski J., *Syberia pod względem etnograficznym, administracyjnym, rolniczym i przemysłowo-handlowym*, Włocławek 1898.
- Cybulski M., *Rosja i Rosjanie w pamiętnikach Polaków (1863–1918)*, Warszawa 2009.
- Czaplicki W., *Obraz Syberii przez F.M. Władysława Czaplickiego autora „Czarnej Księgi”*, Kraków 1871.
- Jastrzębiec Zielonka L., *Wspomnienia z Syberii od roku 1863–1869*, Kraków 1906.
- Januszkiewicz A., *Listy z Syberii*, сост. H. Geber, пред. J. Odrowąż-Pieniążek, Warszawa 2003.
- Knoll F., *Spisek omski. Męczeństwo księdza Sierocińskiego i współtowarzyszy*, в: *Zesłanie i katorga na Syberii w dziejach Polaków 1815–1914*, ред. A. Brus, E. Kaczyńska, W. Śliwowska, Warszawa 1992.
- Kraskowski J., *Z niedawnej przeszłości. Urywki z pamiętnika*, „Przegląd Powszechny” 1893–1894, t. 40–42.
- Librowicz Z., *Polacy w Syberii*, сост. A. Kuczyński, Z. Wójcik, Wrocław 1993.
- Lubicz Chojcecki K., *Pamięć dzieł polskich. Podróż i niepomysłny sukces Polaków*, на основании первой печати от 1789 г. выпуск. A. Kuczyński, Z. Wójcik, Bagnó–Warszawa–Wrocław 1997.
- Migurski W., *I ostaną się w legendzie*, в: *Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków. Rys historyczny. Antologia*, ред. A. Kuczyński, Krzeszowice 2007.
- Новиньский Ф., *Поляки в общественной и хозяйственной жизни Иркутска в 60–70-х гг. XIX в.*, в: *Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы*, Иркутск 2001.
- Piotrowski R., *Pamiętniki z pobytu na Syberii Rufina Piotrowskiego*, т. 2, Poznań 1861.
- Сливовска В., *Сибирские загадки. Найденный оригинал альбома Циприана Дунин-Вонсовича 1850–1857 годы*, в: *Польские ссыльные в Сибири во второй поло-*

- вине XVIII – начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири*, Сб. науч. тр., Омск 2015.
- Sztambuch Sypriana Dunin-Wąsowicza*, сост. W. Śliwowska, Warszawa 2015.
- Токаржевский Ш., *Семь лет каторги*, Варшава 1907, в: Ш. Токаржевский (Токажевский), *Сибирское лихолетье*, пер. с польск. М. Кушниковой, сост. и пред. М. Кушникова, В. Тогулев, Кемерово 2007.
- Witkowski M., *Pamiętnik prostego żołnierza z lat 1812–1816*, в: *Pamiętniki z lat 1792–1849*, сост. R. Grabałowski, Wrocław 1961.
- Wójcik Z., *Jan Czernski – polski badacz Syberii*, Lublin 1986.

SUMMARY

The Siberian city of Omsk in memory of Polish exiles

Based on the memories of Polish exiles, the author reproduces the image of one of the largest Siberian cities, which became the center of political exile in the 19th century. In the course of research, the author concludes that the city's image was influenced by the experience of personal contacts of exiles with residents and representatives of the administrative elite, and architectural and landscape details were in the background.

KEYWORDS: Polish exiles, diaries, Omsk, Siberia